

Буква э в скорописи

О букве э писали и спорили много. Временем ее появления в русском алфавите принято считать то, которое указал Я. К. Грот: «Буква э, которой нет в церковнославянской азбуке, введена в нашу печать вскоре после установления гражданского письма» (Русское правописание, СПб., 1885, стр. 71—72). Авторы вышедших в последнее время работ «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)» (М., 1965) и «Орфография и русский язык» (М., 1966), предлагающие читателю краткую историю русского алфавита, и в частности историю буквы э, полагаются, по-видимому, на высказывание Я. К. Грота, констатируют, что буква э «была узаконена» только после реформы Петра I, когда была принята гражданская азбука, т. е. в начале XVIII века. А между тем в этом заключении не учтено одно существенное обстоятельство. Я. К. Грот, упоминая о введении буквы э в печать (алфавит, предназначенный для печатания книг), не касается вопроса использования этой буквы в русской письменности. Поэтому едва ли правильно расценивать слова Грота как указание на время включения буквы э в русский алфавит вообще.

До установления гражданского письма существовал по крайней мере двухвековой период скорописи, когда буква э уже употреблялась, период, сыгравший важную роль в истории ее утверждения. Думается, что мнение, возникшее под влиянием не точно понятого высказывания Я. К. Грота, могло укрепиться лишь в результате недостаточной изученности графики древнерусских памятников и в первую очередь памятников скорописи XVI—XVII веков.

Еще академик Е. Ф. Карский отмечал: «Вместо с в памятниках югославянских XIII—XIV веков иногда

встречается э, напр. в Дечанской псалтыри..., Дечанском евангелии... в качестве надписного с: „якож^о 10, 13, идьш^о 17, болѣшаа 194 б“ и др. В подобной же роли встречается э в Боснийской (в Травнике) рукописи XIII—XIV в... В Сильвестровском сборнике XIV в... буква э встречается и в строке в слове эль (л. 173 б): „бе мои. вѣчныи крѣпце сте саваофе преславне. эль. эль. эль. эль. тоаиль. ты «си...». От югославян этот знак проник в Западную Русь: его находим, напр. в рукописи... XV в. с повестью о страдании Христа, поклонеии 3-х королей и т. д... а также в Познанском сборнике XVI в.; встречается это написание и в некоторых изданиях Литовского статута 1588 года. В западнорусских рукописях этот знак употребляется в иностранных словах для передачи с неумягчительного: експектатывахъ Стат. 1588 года» (Очерк славянской кирилловской палеографии, Варшава, 1915).

В столбцах русской скорописи с XVI века засвидетельствовано сравнительно широкое использование этой буквы. В «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством», 1556—1586 (СПб., 1910) находим: Эзелской земли, прямо на Эзель и др.; в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством», 1598—1608 (М., 1912): города Эрли, эстонского и др., и 1609—1615 (М., 1913): ланграбя Элсицкого, цесарева посла Эразмуса, эстонской и др.; в «Путешествиях русских послов XVI—XVII веков» (М.—Л., 1954): эсенской, эль-маркез, Элистан, Эдуард, местечко Эйниум, народность эрили, кабардинский посол Эльбуздук и др.

Как видим, буква э употреблялась в русском письме задолго до реформы Петра I.

Буквы э не было в старославян-

ском алфавите, и даже те слова, которые могли иметь ее, писались в старославянских памятниках через *е*: ексархъ, еклисиастъ и под. Следуя традиции, букву *э* не помещали и в «прописях скорописи» XVII века (так назывались алфавитно-образцы написаний русских скорописных букв, предназначенные для обучения грамоте). В Государственном Историческом музее СССР хранятся прописи скорописного письма, последовательно фиксирующие эту особенность.

Реформа Петра I была проведена в целях унификации графики и выбора шрифта для печатания книг. Образцы азбуки, в основе своей кирилловской, изготовленные для Петра I чертежником и рисовальщиком Куленбахом, включали в себя элементы скорописных начертаний. «В преобразованном Петром I шрифте буквам придано очертание латинских, часто совпадающих и с русскими скорописными буквами того времени», — писал Е. Ф. Карский в названной книге (см. об этом также: А. Шипцгал. Графическая основа русского гражданского шрифта. М., 1947).

Характерная черта скорописи — графическая неоднозначность букв, где каждая из них имеет по несколько изображений, часто весьма отличных друг от друга. Сведение самых разнообразных графических вариантов кириллицы и скорописи к одному, наиболее типичному, было основной задачей проведенной реформы. Поскольку при подготовке реформы анализу подвергались все встречающиеся в рукописях основные начертания букв, попала в алфавит и буква *э*. С этих пор она прочно вошла в русскую азбуку. В «прописях скорописи» было два обозначения: *е* — после *д* и *е* — после *ю*. И если судить по этим прописям, местоположение *э* в «новом», отредактированном алфавите оказалось заранее predeterminedным: буква следовала после *ъ*, *ы*, *ь*, *ѣ* перед *ю* на месте кириллического *е*, объединенного при реформе с *е*. «Новая» для старославянского алфавита буква *э* (перевернутое *е*) легко вошла в строй русских букв. Между прочим, сам знак *э* не был для славянской азбуки случайным: уже в глаголице *э* употреблялось при обозначении *е*.

Буква *э* в русском языке имела конкретное звуковое выражение, что и определило закрепление ее в алфавите. После отвердения *ц* и шипящих употребление *е* стало нормой в определенных сочетаниях — в середине слова после *ж*, *ш*, *ц*. «Относительно употребления *е* и *э* прежде всего надо рассеять легенду, будто русскому языку не свойственно сочетание твердого согласного с гласным *е* (*э*). Прежде всего слог *ше*, *же*, *це* в словах *шесть*, *жест*, *цел* и т. п. несомненно тверды и в сущности должны бы писаться *шэ*, *жэ*, *цэ*», — писал академик Л. В. Щерба в работе «Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий» (Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958).

В первой рукописной газете начала XVII века «Куранты» такое *э* встречалось уже в иных сочетаниях, ср. варианты: цысарские и цесарские [цэ], цысаревы люди и цесаревы [цэ] люди, а также — Торстенсона и Торстенсена [сэ] и др. В текстах — аналогичные случаи, когда писец, подчеркивая твердость предшествующего согласного и широту последующего гласного, исправляет *е* на *о*. Широкий звук [э] после твердого согласного не всегда получал в «Курантах» соответствующее буквенное оформление. Но все же здесь мы находим довольно последовательное применение буквы *э*.

Самые ранние известные нам тексты «Курантов» датируются 1620 годом. Курант — «газета», заимствовано через немецкое Couranten — «ходячие вести, известия» или через немецкое Kurant, или прямо из французского couraant — «бегущий».

Появление газеты на Руси было подготовлено всем ходом исторического развития русского общества. Широкие международные связи развивающегося государства требовали подробной информации о событиях, происходивших за рубежом. Тексты «Курантов» составлялись из переводов западноевропейских газет — голландских, немецких, польских, а также из сообщений корреспондентов — «грамоток» иностранцев. Они предназначались главным образом для царя и его приближенных — на листах «Курантов» делались пометы (от XVII века): государю чтено, государю

для прочтения государю и боярам, то естественно предположить, что исправленное написание с буквой э было более правильным и больше соответствовало нормам делового приказного языка.

В конце и в середине слов после согласных э не употреблялось: гедна Бредероде, Монсь де Ламотте, из деревни Леонасанкте, мархъграфа Теракуза, граф Эсексь, гедна Оксенстерна, Торстенсона (о твердости второго с говорились выше), в Амстердамь, и хотьл он Террагона осадит, под город Гаммарстеин, к Логенштейну, Фалкенштейн и др.

В «Курантах» (1633) есть любопытный случай: при обозначенных буквах дано их название. В вестях «из Шлеские земли» сообщалось «подлинное» известие о древнем глухом человеке: «...и какъ онъ тое книжку хочетъ взятъ и та книжка добръ тежала и гибла передъ нимъ и на томъ мѣсте видитъ три слова какъ по семъ

описаны латынскими словами Н Е э эфъ F, а что по томъ будетъ то бгу вѣсть...» (названия букв надписаны сверху тем же почерком). Для памятника середины XVII века аналогичное объяснение иностранных букв было отмечено М. П. Алексеевым («Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века». Л., 1968).

Некоторые написания раскрывают специфику обозначаемого звука: из Арфурта (при употреблении Эрфурта), из Аллендорфа, к Арихъсбурху, город Эиленборхъ (при употреблении Эленберха), на Эисфелдскомъ под. В этом плане интересно одно из исправлений текста: в имени *донъ Ендебор* первая буква *e* была приписана в строке, а под выносной буквой *n* зачеркнуто *a*, то есть *Андебор* было заменено на *Ендебор* («Куранты» 1643).

Сопоставление примеров позволяет заключить, что буква э в «Курантах» использовалась обычно для передачи иностранного открытого звука [e] (*ä, ei*, очень редко *ei* → *i*, например: на Исфелдскомъ поле). Сравнение русских переводов с иностранными оригиналами могло бы, по-видимому, дать здесь известные уточнения.

Имеется всего лишь несколько русских слов с гласным э в начале

слова: этот, -а, -о; этак, эй, эге и пойд. А. И. Соболевский связывает образование местоимений с употреблением указательной частицы э: «*эъ эфтом, съ эстимъ* и т. п. образовались из *эъ эъ томъ съ э съ гѣмъ, то есть* через постановку предлога и перед э, и после э» (Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 150—151). А Я. К. Грот по этому поводу писал: «...русские произносят его [широкое *e*.— Н. Т.] при встрече двух слов, из которых первое кончается „ером“, а второе начинается с широкого э, как напр. в словах: знать это; но в середине слов это э у нас невозможно. В начале слова это э может образоваться в русском языке вообще после широких согласных (отмеченных „ером“), напр.: *объ этомъ, съ этого...*» (Заметки о сущности некоторых звуков языка. СПб., 1878, стр. 18). В письменных памятниках до XVIII века с данным значением употреблялись местоимения *тотъ, -а, -о* (и их грамматические дублеты *той, тоя, тое*), *сей*, а не местоимения в форме *этот*. Встречавшиеся написания *етот, етая, ето, енто* и под., как мы уже отмечали, не всегда могли свидетельствовать об их произношении. Между прочим, в упоминаемых выше черновом и чистовом вариантах «Курантов» (1632) есть исправление местоимения *того* на *егого*.

Анализ употребления буквы э в иноязычных именах собственных раскрывает значительный пласт слов, проникавших в первую очередь в русское письмо. От личных имен и топонимов образовывались относительные и притяжательные имена прилагательные: эсексон, эверберской, эльбевской, съ эбоулефелтевыми людьми и под.

Можно предположить, что все это способствовало широкому использованию и иноязычных имен нарицательных (с произношением и написанием через э), активно включавшихся в русский язык во все последующие годы.

Что касается реформаторской деятельности Петра I в области русского алфавита и «утверждения» буквы э, то обследованный материал дает нам лишь подтверждение того, что реформы, как правило, рождаются уже на подготовленной почве.

П. И. ТАРАБАСОВА